

В.Л. Коровин

ББК Ш5(2=Р)4–4
УДК 821.161.1 : 82–141

В. Л. Коровин
кандидат филологических наук, доцент

К ИСТОЛКОВАНИЮ «ОДЫ, ВЫБРАННОЙ ИЗ ИОВА»
М. В. ЛОМОНОСОВА: (БОГОСЛОВСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: Ломоносов, Книга Иова, библейская экзегетика, богословие

Среди духовных од Ломоносова «Ода, выбранная из Иова» выделяется по характеру отношения к Священному Писанию, являясь связующим звеном между парафразами псалмов и двумя оригинальными «Размышлениями о Божием величестве». Перелагая псалмы, он в каждое свое четверостишие укладывал либо один, либо два стиха славянского текста, точно за ним следуя [см.: 8, 242–281]. В «Оде, выбранной из Иова» он свободно переложил лишь некоторые места из речи Бога к Иову (Иов 38:2–41:26) и поместил ее в обрамлении строф, обращенных от автора к ропщущему человеку, оказавшись, таким образом, в роли толкователя библейской книги. При этом речь Бога у него в целом организована по принципу шестоднева, рассказа о шести днях творения, а для полноты картины мироздания Ломоносов ввел в эту речь две оригинальные строфы о творении светил небесных (3-я) и человека (13-я), не имеющие соответствия в Книге Иова [см.: 5, 92–94].

Л.В. Пумпянский причислил «Оду, выбранную из Иова» к выделенному им циклу «богословских» од Ломоносова, созданных в 1742–1743 гг., и предположил, что написана она была в тот же период (издана в 1751 г.) [см.: 10, 102–110]. Это предположение, на наш взгляд, очень правдоподобно. Впрочем, и вне зависимости от датировки богословский характер оды очевиден. В ней дано не только поэтическое переложение, но и толкование общего смысла Книги Иова и некоторых ее деталей. Так, Бегемота и Левиафана Ломоносов в оде изобразил только могущественными животными, проигнорировав традицию аллегорического толкования их как образов дьявола. Ю.М. Лотман, посвятивший этому обстоятельству особую работу (1983), сделал вывод, что «Бог оды – воплощенное светлое начало разума и закономерной творческой воли» [7, 650]. Это утверждение верно только с одним уточнением: единственная «закономерность» воли Творца, о которой говорит сам поэт, это то, что «Он все на пользу нашу

строит». Бог в оде, прежде всего, Творец мира, но печется Он о благе человека, т.е. «казнит кого или покоит», имеет в виду именно его конечную пользу. Отсюда и мораль: «Святую волю почитая / <...> / В надежде тяготу сноси / И без роптания проси» [6, VIII, 392].

Вопреки существующим мнениям, что Ломоносов в своей поэзии прошел мимо «страстного протеста многострадального Иова» [2, 65], что в его оде «исчез Иов (так как он не дает мотивов из первых глав книги Иова) и вместе с ним исчезла самая проблема веры» [9, 343], именно история этого ветхозаветного праведника находилась в центре внимания Ломоносова, перелагавшего обращенную к нему увещательную речь Бога. Вне общей проблематики Книги Иова его ода вообще не может быть правильно понята. Помимо того, что вопросы праведного страдальца к Богу находятся в «за-текстовом пространстве» самой оды [см.: 3, 115–122], именно с историей Иова соотносится композиция раздела «Оды духовные» в двух прижизненных собраниях стихотворений Ломоносова (1751 и 1757 гг.): жалобы и мольбы к Богу утешяемого врагами праведника (семь переложений псалмов) – увещательная речь Бога («Ода, выбранная из Иова») – признание человеком величия Творца и ограниченности своего знания (два «Размышления»). В «Оде, выбранной из Иова» причины горестного ропота человека не конкретизированы, но о них можно судить по переложениям псалмов: написанные от лица гонимого врагами и искушаемого бедами *праведного человека*, они и подготавливают переложение речи *Всемогущего Бога*. Речь идет об отношениях человека, страдающего, может быть, незаслуженно (как Иов или псалмопевец), и Творца, все делающего для его блага. Это и есть проблематика Книги Иова.

Понимание Ломоносовым учения этой библейской книги, с точки зрения православной традиции, вполне канонично, что прослеживается во многих деталях его переложения и выдает богословскую образованность выпускника Славяно-греко-латинской академии. Так, например, он руководствовался не только поэтическими, но и экзегетическими соображениями, когда начинал свое переложение речи Бога не с первых Его слов в библейском оригинале: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?» (Иов 38:2). Дело в том, что, по святоотеческим (и другим) толкованиям, эти слова были обращены не к Иову, а к только что умолкшему его обвинителю Елиую [см., напр.: 1, 233]. В оде Ломоносова Бог говорит только с Иовом («Внимай, коль в ревности ужасно / Он к Иову из тучи рек...»), и с первых слов Бога, обращенных в оригинале именно к нему, и начинается переложение:

Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как Я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет;
Когда Я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!

[6, VIII, 397]

В Книге Иова на этом месте только два стиха (38:3–4), которые в славянском переводе выглядят так: «Препояши яко муж чресла твоя: вопрошу же тя, ты Ми отвещай. Где был еси, егда основах землю? Возвести ми, аще веси разум». В строфе Ломоносова этому тексту точно соответствуют только начальные слова второго и третьего стиха и стихи пятый и восьмой: «Мужайся <...> Где был ты <...> Когда я твердь земли поставил <...> Яви премудрость ты свою!». Шестой стих – «И сонм небесных сил прославил» – является парафразой второй половины позднее идущего библейского стиха: «Егда сотворены быша звезды, *восхвалиша Мя гласом велшим вси Ангели Мои*» (Иов 38:7) <здесь и далее выделено мною. – В. К.> (первую его половину – «егда сотворены быша звезды» – Ломоносов развил в следующую оригинальную строфу о сотворении звезд, солнца и луны).

Прочие стихи в приведенной строфе не являются простой амплификацией, а служат целям истолкования исходного текста: Ломоносов поясняет, уточняет и формулирует основную идею. «Сбери свои все силы ныне, мужайся, стой...» – это пояснение к словам «препояши яко муж чресла твоя». Бог начинает не с устрашения возроптавшего от горя Иова, а со слов ободрения и поддержки: он призывает его внутренне собраться и укрепиться. Слова седьмого стиха – «Величество и власть Мою» – служат уточнением, какие именно свойства Бога прославили в начале творения мира ангелы («небесные силы»). «Я в стройном чине прекрасный сей устроил свет», – это формулировка главной, по Ломоносову, идеи всей речи Бога к Иову, что мир был устроен премудро и наилучшим образом. Качественные характеристики – «стройный», «прекрасный» – в этом месте Книги Иова отсутствуют (на что обращал внимание И.З. Серман [см.: II, 47–48]), зато, как известно, похоже оцениваются дела творения в начале Книги Бытия (1:31): «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (аллюзией на этот стих и является формула Ломоносова).

Как видно, даже в *свободном* переложении Ломоносов обращается с библейским текстом отнюдь не произвольно, а сообразуясь с его буквой и духом. Замечательно еще, что при этом он сходится в его понимании с православной традицией, выраженной, в частности, во вновь обнаруженных только в XX в. и заведомо

Ломоносову неизвестных «Комментариях на Книгу Иова» св. Иоанна Златоуста, где первые слова Бога к Иову прокомментированы следующим образом: «Поскольку Иов был низвержен отчаянием, Бог ободряет его этими словами, чтобы он внимал тому, что говорится, и вводит речь Свою в форме вопросов, что есть лучший способ опровержения. Прежде всего, Он показывает, что все творит премудро и разумно и что невозможно Тому, кто делает столько вещей премудро и разумно, презреть человека, ради которого все устроено, притом страдающего, как в этом случае. «Что ты говоришь?» – говорит [Бог]» [I, 233].

Жизнеутверждающий пафос («оптимизм») оды Ломоносова, отмечавшийся едва ли не всеми ее исследователями, происходит не из лейбнизианской философии (или не только из нее), а до некоторой степени из самой Книги Иова. Он согласуется с характерной для Православия традицией толкования этой книги и, в частности, заключительного в речи Бога фрагмента о Бегемоте и Левиафане (Иов 40:10–41:26). Общепринятое на Западе, в католической и протестантской традициях, понимание их как образов дьявола, никогда не опровергалось почитаемыми на Востоке отцами, но и никогда в православных странах не пользовалось широкой известностью (в том числе по причине разного чтения этого фрагмента в Вульгате и Септуагинте). Тот же св. Иоанн Златоуст не находил полезным аллегорическое толкование этих образов, предпочитая говорить о них как о могущественных животных, которые «ведут нас к богопознанию» [I, 250]. Именно такую функцию и выполняют Бегемот и Левиафан в оде Ломоносова [подробней см.: 5, 86–91]. При этом проблему присутствия в мире зла он не вовсе купирует, а как раз начинает с нее: «О ты, что в горести...» Зло в оде представлено страданием человека, который бывает безвинным (как в случае с Иовом). В том, что оно временно и обращено Провидением «на пользу» человека, Ломоносов и хочет убедить читателя (помнящего, конечно, что Иов пострадал не бесцельно, а для того, чтобы с полной очевидностью обнаружилась его праведность, которую пытался оспорить сатана).

Главнейшей в «Оде, выбранной из Иова» является не умозрительная философская проблема теодицеи, а жизненный и религиозный вопрос *об отношениях* человека к Богу, вызвавшему его «на распрю». По точному замечанию И. Клейна, «в центре внимания Ломоносова – не проблема зла, но обращенное к человеку требование смирения и преданности Господу... <...> Любому сомнению, порожденному столкновением с конкретным злом,

Ломоносов противопоставляет безусловность веры» [4, 295]. Речь Бога к Иову в оде напоминает как будто совершающуюся борьбу: «Сбери свои все силы ныне... <...> Кто может стать против меня?» (оба эти стиха не имеют соответствий в Книге Иова, а последний добавлен в качестве морали к изображению огромного могущества Левиафана, являющегося всего лишь одной из тварей Божьих). При этом Бог у Ломоносова показывает, что Его мощь и мудрость несоизмеримы с человеческими, но нигде не указывает Иову на его ничтожество. И точно так же, по словам св. Иоанна Златоуста, обстоит дело в самой Книге Иова: «Посмотри, сколькими примерами Он избличает скромность его природы, причем не говорит: «Ты мал», но: «Я велик, и ты не можешь того, что Я»» [1, 247].

Ломоносов представляет ситуацию, бесконечно далекую от деистических представлений о Боге, создавшем мир, подобный безотказному механизму, и ни на что уже не реагирующем. У поэта, как и в библейской книге, Бог убеждает Иова, обращаясь к его *разуму* и *воображению*, и тем укрепляет его пошатнувшуюся *веру*. Изображение в «стройном чине» устроенного «прекрасного света» в оде не самоцель, а *аргумент*, предназначенный для убеждения человека *в правосудии* все строящего для его пользы Творца: «Сие, о смертный, рассуждая... <...> Без роптания проси» [6, VIII, 392].

Этой дидактической концовкой, логично вытекающей из всего выше сказанного (хотя были противоположные мнения, см., напр.: [9, 344]), Ломоносов подчеркнул душеполезный характер своего сочинения. Иов, который, как сказано в его «Кратком руководстве к красноречию» (1748), «был терпения и добродетели образ»» [6, VII, 310], считался еще и прообразом христианского благочестия среди ветхозаветных праведников. Апология веры в «Оде, выбранной из Иова», основанной на каноническом понимании библейской книги, являлась апологией именно христианской веры в любящего и спасающего человека Творца. В свое время эта направленность оды Ломоносова была, кажется, самоочевидной для русских читателей. Отрывки из нее в дореволюционной школе учащихся обязывали заучивать наизусть, имея в виду в том числе воспитательные цели (ее начальные строки оказались единственным, что «припомнил» гоголевский Хлестаков, когда дочка городничего попросила его написать «на память какие-нибудь стишки в альбом»), и признавали «Оду, выбранную из Иова» главным из тех произведений Ломоносова, которые «для духовного просвещения много значили и значат» [12, 335].

Литература

1. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – [Т.] VI. Книга Иова / Под ред. М. Симонэтти и М. Конти; Русское издание под ред. Ю. Н. Варзониной, пер. с англ., греч., лат. и сир. – Тверь: Герменевтика, 2007. – 312 с.
2. Дороватовская, В. С. О заимствованиях Ломоносова из Библии / В. С. Дороватовская // М. В. Ломоносов. 1711–1911. Сборник статей под ред. В. В. Сиповского. – СПб., 1911. – С. 33–65.
3. Зверева, Т. В. О потенциальной двухчастности «Оды, выбранной из Иова» М. В. Ломоносова / Т. В. Зверева // Проблемы изучения русской литературы XVIII века : межвуз. сб. науч. тр. – СПб.; Самара, 2007. – Вып. 13. – С. 115–122.
4. Клейн, И. Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова / И. Клейн // Клейн И. Пути культурного импорта : Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 287–300.
5. Коровин, В. Л. Ломоносов и Библия : «Ода, выбранная из Иова» и Книга Иова / В. Л. Коровин // М. В. Ломоносов и Православие. Сборник статей о творчестве М.В. Ломоносова. – М.: Издательский дом «К единству!» МОФЕПН, 2014. – С.75–97.
6. Ломоносов, М. В. Полн. собр. сочинений и писем: в 11 т. / М. В. Ломоносов. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950–1983.
7. Лотман, Ю. М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова / Ю. М. Лотман // Из истории русской культуры. – Т. IV (XVIII – начало XIX века). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 637–656.
8. Луцевич, Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии / Л. Ф. Луцевич. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 608 с.
9. Мотольская, Д. К. Ломоносов / Д. К. Мотольская // История русской литературы : В 10 т. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. – Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. – С. 264–348.
10. Пумпянский, Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. Ломоносов в 1742–1743 гг. / Л. В. Пумпянский // XVIII век. Сборник статей и материалов. – М.; Л.: Наука, 1935. – [Сб. 1]. – С. 102–110.
11. Серман, И. З. Поэтический стиль Ломоносова / И. З. Серман. – Л.: Наука, 1966. – 260 с.
12. Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. Обзор русской духовной литературы / Филарет (Гумилевский). – Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. – СПб., 1884. – 511 с.

В.Л. Коровин

TO INTERPRETATION OF “THE ODE CHOSEN FROM JOB”
BY M. V. LOMONOSOV: (THEOLOGICAL ASPECT)

V. L. Korovin

Abstract

The article is devoted to “The Ode Chosen From Job” by Lomonosov. The poet became an interpreter of the Book of Job. The main problems researched in the article are theological and moral aspects of Lomonosov’s ode connected with the Bible.

Key words: Lomonosov, the Book of Job, the Biblical Exegesis, Theology